

ИМПЕРИЯ КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА

Мацевич М. Я., канд. филос. наук, доц., г. Минск

В глобализирующемся мире коммуникация все больше становится тканью производства. Контроль над смыслами и значениями языка, над коммуникативными сетями стал основной целью политической борьбы. Коммуникация перестала быть частной практикой повседневных жизненных миров, базисом структуризации гражданского общества, рационализации, гуманизации, выступив в качестве мирового имперского колониального порядка. Империя глобализированной коммуникации свела нормы права, этики, эстетики к вопросам эффективности, целесообразности: коммуникативные технологии прямо или косвенно влияют на внутреннюю онтологию суверенных государств, превращая ее в порядок и справедливость виртуального.

Коммуникация возникает как центр, поддерживающий глобализацию сетей производства, мировой милитаристской машины и полицейского диктата. Несомненно, что с внешне оптимистическим развитием, расширением границ империи новейших коммуникативных технологий разрушается топология приватного, аксиология интимно-сакрального, национальный государственный суверенитет. Внешняя децентрализация, детерриторизация коммуникативных процессов на самом деле приводит к интенсификации и генерализации аппаратов дисциплинарной нормализации, к производству и воспроизведению самой жизни. Патетика Ю. Хабермаса в реальности обернулась подавлением, подчинением культуры. Следуя логике А. Негри: «империя» управляет сегодня не только территориями и населением, она создает тот мир, в котором мы живем.

Таким образом, ценности, которых придерживается наша цивилизация, не имеют объективной структуры и порядка старшинства, как это

постулировалось в античном мире, но являются связанными с культурой субъективными оценками. Те, кто устанавливает приоритет той или иной коммуникативной технологии, имеют власть, и борьба вокруг технологий, вокруг доступа к коммуникационным сетям становится скрытой борьбой за доминирование. Поэтому в «коммуникативном действии» следует искать скрытые интересы. Кто выигрывает, если та или иная технология признается лучшей? Кто является доверенным лицом стандартов рационализации, гуманизации, демократизации?.. Если посмотреть именно с этой стороны, то социальные последствия философии коммуникации — это философия, феерия конформизма. Она позволила превращать соглашательство с политическим, нравственным злом в форму методологии. Нас научили присваивать статус несомненной «правды» любому высказыванию или утверждению К. Ясперса, Ю. Хабермаса и т. п. Все элементы деградации, разложения, эксплуатации навязывались нам и навязываются благодаря коммуникативным системам.

В этом же контексте актуально было бы вспомнить о позиции белорусского мыслителя И. Абдзираловича. Беларусь интересна уже тем, что она воплощает в себе прежде всего не достоинства, а свои и чужие недостатки. Национальный дух всегда сильнее и чище у народов угнетенных, у белорусов нет бахвальства и «легкодумности», они склонны не к пространственно-космологическому, а к локализованному стилю мышления, поэтизации, эстетизации явленной действительности. Белорусы толерантны, терпимы, отзывчивы и «пяшчотны», «задуменны», «лагодны», «тужлівы».

А может быть, толерантность — это коллективный аффект официальной цензуры толпы, который присущ именно нашему времени? Современное сознание насквозь поверхностно, стандартизировано, «клипировано». После Великой Отечественной войны космополитизм преопределил сам способ восприятия мира. Толерантность наложила безусловный отпечаток на нашу повседневную коммуникативную культуру. После Хатыни, Чернобыля белорусы неизбежно вынуждены жить в пространстве и времени метафизической онтологизации терпимости. Но в предлагаемых тезисах мне хотелось бы попробовать ее деонтологизировать: не наделять белорусскую терпимость, отзывчивость, «памяркоўнасць» каким-то абсолютным бытийственным, имперским статусом.

Любой обмен информацией уже является идеологически-коммуникативным. Развитие этноса необратимо, и эта необратимость подтверждается всем ходом исторического развития. Необратимость в этнологии, как и в физических системах, носит термодинамический характер и не может быть устранена какими-либо авторитарными усилиями. Принципиальное отличие эволюции культуры, нации, индивида от систем физических, биологических состоит в том, что они по своей природе

де — системы информационные. И задача культурной политики должна состоять в повышении коэффициента разнообразия культур, в увеличении дисперсии элементов сообщений в каналах повседневной коммуникации на основании не целерационального, а ценностно-ориентированного, духовного потенциала.